

Сяо Хан держал его крепко, но вырваться при желании было можно. Все-таки тот всю ночь пролежал под капельницей и еще не восстановил силы.

Но Хан Сычжоу вдруг понял, что не может пошевелиться. Тело его совершенно не слушалось.

Да и сердце вело себя странно — колотилось взахлеб, торопливо и путано.

Морской ветер принес легкий солоноватый запах побережья, смешавшийся с едва уловимым, но отчетливым древесным ароматом, исходившим от Сяо Хана.

Хан Сычжоу глубоко вдохнул этот воздух и негромко, слегка охрипшим голосом произнес:

— Сяо Хан, я, конечно, знаю, что чертовски хорош, но тебе вовсе не обязательно...

Договорить он не смог — осекся на полуслове.

«Ладно, пусть это будет платой за то, что вчера он одолжил мне плечо и куртку. Пусть еще немного... поддержит меня».

Прошло немало времени, прежде чем с берега донеслись далекие голоса проснувшихся рыбаков.

Хан Сычжоу опомнился:

— Ханьхань скоро проснется. Нам пора возвращаться.

Сяо Хан коротко отозвался и отпустил его.

Хан Сычжоу сразу же развернулся и быстро зашагал к дому. Сделав пару шагов, он заметил, что его спутник отстал, и нетерпеливо обернулся:

— Давай быстрее!

Солнечный диск уже почти целиком поднялся над горизонтом, окрасив лазурное море в теплые оранжевые тона. Первые утренние лучи скользнули по смоляным волосам Хан Сычжоу и заиграли на его густых ресницах. В этом ярком, живом свете он казался удивительно настоящим.

Сяо Хан опустил взгляд. Его глаза скользнули к покрасневшим кончикам ушей Хан Сычжоу. Улыбнувшись, он снова негромко ответил:

— Иду.

Когда они вернулись в деревянный домик, Сяо Чжихань еще безмятежно спала.

Дежурившие снаружи сотрудники шоу уже проснулись. Они шепотом сообщили родителям, что малышка вела себя просто чудесно: за всю ночь ни разу не проснулась, не капризничала и спала очень спокойно — редкое золото, а не ребенок.

Хан Сычжоу не смог сдержать гордой отцовской улыбки:

— Ханьхань всегда спит одна.

Сотрудники тут же принялись рассыпаться в комплиментах. Едва они отошли, Хан Сычжоу тихонько проскользнул в спальню.

Услышав шорох, девочка медленно открыла глаза. Увидев отца, она на мгновение удивленно захлопала ресницами, но тут же расплылась в улыбке и потянула к нему ручки:

— Папа!

Хан Сычжоу поймал ее ладошки и помог сесть:

— Как спалось?

Ханьхань не страдала капризами из-за непривычной обстановки и засыпала без лишних уговоров. То, насколько легко было заботиться о ней, здорово помогло Хан Сычжоу свыкнуться с мыслью, что у него внезапно появилась такая взрослая дочь.

— Вы ведь вчера очень поздно вернулись, да?

На самом деле они пришли только под утро. Хан Сычжоу притворно удивился:

— Откуда такие познания?

Девочка заговорщически прошептала:

— Мне вчера Лэлэ рассказал. Его мама говорит, что в первую ночь никто из детей не спит с родителями, потому что у взрослых есть важные задания.

Малышка заглянула ему в лицо:

— Вы со старшим папой такие сильные, вы же точно справились с заданием?

Хан Сычжоу неопределенно кивнул.

Он и сам толком не знал, можно ли считать то, что произошло ночью, выполнением задания. Но почему бы и нет?

Увидев его согласие, Ханьхань просияла от восторга. Она обхватила пухлыми ручонками шею отца и звонко чмокнула его в щеку:

— Мой папа самый лучший!

Хан Сычжоу замер на мгновение, а затем медленно коснулся ладонью места поцелуя. В груди разлилось щемящее тепло. Счастливый, он подхватил дочку на руки и закружил по комнате.

«Оказывается, быть расцелованным собственной дочерью — это так здорово!»

Когда они вышли, Сяо Хан уже накрыл на стол.

Принимая во внимание вчерашние посиделки с алкоголем и то, что Сяо Хан провел ночь в больнице (о чем съемочная группа, разумеется, знала), организаторы решили избавить их от готовки и принесли завтрак сами.

Еды было много, и все выглядело аппетитно, если бы не одно «но»: в ароматной рисовой каше плавала зелень, которую и отец, и дочь терпеть не могли.

Ханьхань робко покосилась на Хан Сычжоу. Заметив, что тот помрачнел, она обреченно вздохнула, взяла ложку и принялась уныло ковыряться в тарелке.

Вообще-то девочка больше не боялась младшего папы. Старший папа оказался прав: младший просто раньше не умел проявлять заботу, но теперь он стал самым замечательным отцом на свете.

Правда, когда он хмурился, все равно становилось немного не по себе.

Сам Хан Сычжоу сейчас судорожно соображал, как избавиться от проклятых овощей. Дочка только что вернулась из туалета, так что отправить ее помыть руки под благовидным предлогом не вышло бы. Да и зелени в каше было столько, что вылавливать ее пришлось бы целую вечность.

Он уже потянулся к ложке, готовый зажмуриться и терпеть, но не успел — Сяо Хан молча переставил его миску себе.

А взамен перед Хан Сычжоу легли два пышных белоснежных баоцзы.

Хан Сычжоу удивленно вскинул глаза, но Сяо Хан уже сосредоточенно ел кашу, не поднимая головы.

Хан Сычжоу взял баоцзы, откусил кусочек и тут же наткнулся на завистливый взгляд дочери. Малышка была слишком непосредственной, и все ее мысли легко читались на лице. Почувствовав невольный укол совести, Хан Сычжоу поспешно соврал:

— У старшего папы разболелся желудок, ему сейчас вредно есть тяжелую пищу. Вот он и отдал мне свои баоцзы, а я ему — кашу.

Ханьхань надула щечки и серьезно заметила:

— Папа так заботится о старшем папе.

Хану Сычжоу от этих слов стало совсем неловко. Он быстро отломил половинку баоцзы и сунул ее девочке в рот:

— Держи, это тебе.

Ханьхань мгновенно повеселела:

— А меня папа любит еще сильнее!

Сяо Хан, до этого молча сидевший рядом, наконец поднял голову:

— Не отвлекайся от еды.

Ханьхань шутливо показала кончик языка:

— Поняла-поняла.

Закончив с завтраком, Сяо Хан привычно принялся убирать посуду.

Хан Сычжоу стоял у порога и наблюдал за ним. Тот едва успел капнуть на губку средство для мытья посуды, как вдруг слегка поморщился и прижал ладонь к области желудка.

На душе у Хан Сычжоу скребли кошки. Он пожевал губу, а затем решительно шагнул вперед, оттесняя мужа от раковины:

— Дай я помою!

Забрав губку, он сердито зыркнул на Сяо Хана, упреждая любые расспросы:

— И даже не думай говорить свои глупости!

Сяо Хан примирительно поднял руки:

— Молчу-молчу.

Вспомнив вчерашний разговор с Цзин Цином, Хан Сычжоу нахмурился:

— Кстати, что у тебя с желудком? А-Цин говорил, что вы раньше пили вместе и никаких проблем у тебя не возникало.

Улыбка сошла с лица Сяо Хана:

— Да, со спиртным проблем обычно нет.

Хан Сычжоу мгновенно помрачнел:

— То есть вчера ты просто ломал комедию передо мной?

Сяо Хан тихо вздохнул:

— Спиртное тут ни при чем. Просто после него не стоит стоять на пронизывающем ветру.

Вспыхнувший гнев Хан Сычжоу тут же угас.

В конце концов, вчера Сяо Хан простудился исключительно из-за него. Если бы Хан Сычжоу не набрался до беспамятства и не уснул у него на плече, Сяо Хану не пришлось бы часами мерзнуть на холодном берегу.

Но сказать вслух что-то вроде: «Сам виноват, мог бы просто разбудить меня», — язык не поворачивался. Хан Сычжоу лишь досадно прикусил губу и принялся с яростью оттирать тарелки.

К сожалению, у молодого господина не было ни малейшего таланта к домашней работе.

Посуда так и норовила выскользнуть из его рук, покрываясь густой пеной, но оставаясь при этом такой же грязной.

— Не так, — раздался тихий голос над самым ухом.

Сяо Хан подошел со спины, мягко ограничив его движения своим телом, и накрыл его ладони своими.

Горячее дыхание коснулось чувствительной кожи на шее.

Хан Сычжоу замер, превратившись в статую. Он чувствовал, как сильные пальцы Сяо Хана переплелись с его собственными, медленно и бережно смывая мыльную пену. Движения мужа были неторопливыми и до крайности нежными. От этого тесного контакта и обжигающего дыхания у Хан Сычжоу перехватило горло, а на кончике носа выступили мелкие капельки пота.

Они ведь уже проходили через куда более интимные вещи, но каждый раз, когда Сяо Хан оказывался так близко, Хан Сычжоу терял самообладание. Тело сковывало напряжением.

«Что со мной не так? Может, когда я пойду обследовать голову, стоит заодно проверить и другие органы?»

Пока он предавался этим сумбурным мыслям, в кухню шумно вбежала Ханьхань:

— Папа, старший папа, вы скоро? Там приехали дяди и тети со съемки!

Хана Сычжоу словно током ударило. Он торопливо вырвал свои ладони из рук Сяо Хана и поспешно опустил их под струю холодной воды.

Лишь когда кожу закололо от холода, обжигающее ощущение наконец притупилось.

Тем временем в дом зашли операторы с включенными камерами и принесли конверт с новым заданием.

Как оказалось, на острове была старинная маленькая часовня, где местные жители испокон веков праздновали свадьбы. Завтра там должна была обвенчаться еще одна влюбленная пара.

Но у молодых возникли непредвиденные трудности. Задача родителей и детей — помочь им устроить идеальное торжество. В награду за труды молодожены обещали поделиться с ними свадебными сладостями.

— Смотрите! Там пианино! — едва они переступили порог часовни, Ханьхань радостно указала на инструмент из белого лака, стоящий в углу. — Я так люблю пианино!

— Ханьхань, а почему ты вообще решила учиться играть?

Девочка села за клавиши, когда ей не было и четырех лет, а в таком нежном возрасте дети редко начинают серьезно заниматься музыкой.

Малышка на секунду задумалась, а затем, убедившись, что Сяо Хан отвлекся и не слышит их, заговорщически прошептала папе на ухо:

— Сначала мне совсем не нравилось. Но потом я увидела в комнате у старшего папы твою фотографию, где ты сидишь за пианино. С тех пор мне тоже очень-очень захотелось играть.

Хан Сычжоу озадаченно моргнул.

Откуда у Сяо Хана его фотография за инструментом?

Когда они только познакомились, Хан Сычжоу уже забросил музыку...

Он хотел повернуться и расспросить мужа, но в этот момент двери часовни распахнулись.

Внутри вошли Лян Фань и Сюй Лин вместе со своим сыном Лян Лэ.

— Сестренка Ханьхань! — радостно закричал мальчик, завидев подругу. — Там на пляже так здорово! Пойдем играть?

Ханьхань весело отозвалась и обернулась к отцу:

— Старший папа, можно мне пойти поиграть с Лэлэ?

Получив кивок Сяо Хана, девочка вприпрыжку побежала к выходу навстречу другу.

Кое-кто тут же недовольно надулся:

— Почему это она спросила разрешения у тебя, а не у меня?

Сяо Хан усмехнулся:

— Хочешь, я позову ее обратно?

—... — От досады Хан Сычжоу едва не задохнулся. — Она уже убежала, зачем звать?

Сяо Хан лишь лукаво приподнял бровь и промолчал.

Они остались стоять у окна, откуда открывался отличный вид на золотистый пляж.

Поскольку за детьми присматривала Сюй Лин и повсюду ходили операторы, за безопасность малышей можно было не переживать.

Хан Сычжоу перевел взгляд на белое пианино в углу. Его пальцы невольно дрогнули и сжались в кулаки.

Интересно, за все эти потерянные из памяти годы он хоть раз садился за клавиши? Судя по тем обрывкам воспоминаний, что у него остались, он не прикасался к инструменту целую вечность.

Руки истосковались по игре.

В этот момент тяжелые двери часовни снова отворились, и внутрь, держась за руки, вошла молодая пара. По их стильной одежде и светлой коже было понятно, что они приехали из мегаполиса, а не выросли на этом солнечном острове.

Они подошли к алтарю, опустили на колени и, закрыв глаза, безмолвно погрузились в молитву.

Закончив, они поднялись и нежно посмотрели друг на друга.

Юноша ласково заправил прядь волос за ухо своей невесты. Их лица начали медленно сближаться, пока губы наконец не слились в трепетном поцелуе.

Подобные сцены всегда заставляли случайных свидетелей чувствовать неловкость.

Хан Сычжоу поспешно отвел глаза, но тут же заметил, что Сяо Хан, напротив, замороженно наблюдает за влюбленными.

Хан Сычжоу недовольно проворчал:

— Люди целуются, а ты устался. Хоть бы постеснялся немного.

Сяо Хан не оборачиваясь тихо ответил:

— Влюбленные просят благословения у небес. Для них это самый чистый и счастливый момент в жизни. Нам стоит порадоваться за них, к чему здесь стыд?

Хан Сычжоу мысленно фыркнул, но уступать Сяо Хану хоть в чем-то было не в его правилах.

«Раз он смотрит, значит, и я буду!»

Однако пара у алтаря все никак не могла оторваться друг от друга. Поцелуи становились все более страстными, и Хан Сычжоу почувствовал, что его терпение лопается.

Он уже собирался уйти, как вдруг Сяо Хан повернул к нему голову:

— А ведь у нас с тобой так и не было свадьбы.

В его темных глазах заиграл удивительно мягкий, глубокий свет, а голос прозвучал необычайно низко и притягательно.

— Хан Сычжоу.

Опять началось.

Черт возьми, да что с ним происходит в последнее время? Почему он перестал использовать свои привычные пренебрежительные «эй» или «ты»? Зачем звать его по имени таким вкрадчивым тоном? Неужели этот негодяй не понимает, что от его голоса у Хан Сычжоу мурашки по коже бегут?

— Может, мы тоже...

Тонкие губы Сяо Хана шевельнулись, произнося слова, похожие на вкрадчивый шепот искусителя.

Хан Сычжоу даже слушать не стал — он и так прекрасно понял, к чему тот клонит. Если бы не боязнь нарушить тишину в часовне и смутить молодоженов, он бы точно зажал Сяо Хану рот ладонью.

Плотно сжав губы, Хан Сычжоу процедил сквозь зубы, отчетливо выговаривая каждое слово:

— Даже не мечтай. Я ни за что на свете не стану заниматься этой глупостью вместе с тобой.

Сяо Хан замер. Искорки в его глазах медленно угасли.

Спустя секунду он глухо отозвался:

— Хорошо.

Он отвернулся и снова уставился на целующихся влюбленных.

В его профиле не изменилось ни черты, но теперь в нем отчетливо сквозило горькое одиночество.

Хан Сычжоу раздраженно нахмурился.

«И чего ему спокойно не живется? Взрослый же мужик, а капризничает как маленький. До чего же невыносимый тип!»

<http://bllate.org/book/18323/1756548>